

4. Русский язык: 6 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. М.: Вентана-Граф, 2016, 2017.
5. Русский язык: 7 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. М.: Вентана-Граф, 2018.
6. Сипан В. С. Историко-семантический подход к обучению русскому языку как закономерный этап в отечественной методике XX века // Русистика. 2010. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-semanticheskij-podhod-k-obucheniyu-russkomu-yazyku-kak-zakonomernyy-etap-v-otechestvennoy-metodike-xx-veka>
7. Янченко В.Д. Взгляд на принцип историзма и его роль в преподавании русского языка в средней школе // МИРС. 2007. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-na-printsip-istorizma-i-ego-rol-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-v-sredney-shkole>

УДК 811.161.1

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ МАГИСТРАНТОВ ОСНОВАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н.А. Чернявская

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматриваются проблемы, связанные с лингвоправовой квалификацией диагностических признаков речевых правонарушений. На основе юридических и лингвистических источников и экспертных материалов автора анализируются разные подходы к истолкованию понятий *порочащие сведения, неприличная форма, фактуальная информация, скрытые смыслы* в аспекте профессиональной подготовки магистрантов филологического профиля.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, речевое правонарушение, спорный текст, порочащие сведения, неприличная форма.

Компетентностный подход современной системы отечественного образования предполагает внедрение в вузовскую практику профессионально ориентированных учебных дисциплин. Одной из таких дисциплин является «Теория и практика лингвистической экспертизы», реализуемая при обучении магистрантов направления подготовки 45.04.01 «Филология». В результате освоения дисциплины у студентов должна быть сформирована система необходимых лингвоправовых знаний и выработаны устойчивые

навыки профессионального экспертного анализа спорных текстов и составления лингвистических заключений. Между тем в этой сфере остается нерешенным множество проблем, поскольку лингвоэкспертная деятельность обрела свою актуальность сравнительно недавно, в 90-х годах XX века.

Показательно, что до сих пор нет единого, общепризнанного обозначения этой научно-прикладной отрасли профессиональной деятельности. Ведущие лингвисты-эксперты предлагают разные термины в качестве ее наименования: юрислингвистика (Н.Д. Голев), лингвокриминалистика (М.А. Грачев), судебное речеведение (Е.И. Галяшина), лингвистическая экспертиза (А.Н. Баранов). Отметим, что наибольшее распространение получил термин *юрислингвистика*, который охватывает широкий спектр взаимоотношений языка и права [4].

Основной задачей лингвоэкспертной деятельности является исследование спорного текста на предмет наличия в нем признаков речевого правонарушения либо – шире – с целью разрешения спора при толковании его смысла. В настоящее время УК, ГК и КоАП РФ содержат более двадцати статей, посвященных речевым правонарушениям: это угроза, клевета, нарушение авторских прав, призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганда терроризма, призывы к экстремистской деятельности, возбуждение идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, провокация взятки, оскорбление, пропаганда наркотических и психотропных веществ и другие. Причем их состав пополнился – так, в 2022-2023 гг. была введена уголовная ответственность за призывы к санкциям, призывы к нарушению территориальной целостности РФ, дискредитацию Вооруженных Сил РФ [13]. Очевидно, что при внедрении в учебный процесс требуется некое укрупнение этого перечня, поскольку время, отведенное на освоение дисциплины, ограничено. В то же время нельзя не учитывать, что каждая разновидность экспертизы требует особой методики проведения. Поэтому при подготовке и реализации учебной дисциплины мы сосредоточили внимание на тех правонарушениях, которые наиболее часто становятся объектами лингвистических экспертиз, – это унижение чести и достоинства, умаление деловой репутации; оскорбление; угрозы; призывы к экстремистской деятельности; тождество до степени смешения коммерческих наименований. На основе юридической дефиниции каждого правонарушения мы вычленили комплекс его диагностических признаков, знакомили студентов с системой маркирующих его языковых средств, методами экспертного анализа и отработывали навыки составления лингвистических заключений на материале конкретных конфликтных высказываний. Отметим, что некоторые темы приходилось сопровождать комментариями относительно некорректности правовой нормы и / или разного ее истолкования лингвистами-экспертами.

В первую очередь, ряд вопросов вызывает юридическая квалификация понятия «порочащие сведения». Официальная дефиниция этого понятия содержится в Постановлении Пленума Верховного суда от 24 февраля 2005 года. Однако предлагаемое определение небыло, на что обратили внимание многие лингвисты-эксперты. Согласно Постановлению, «порочащими являются сведения, которые содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота» [10]. Таким образом, порочить человека может только информация о том, что он нарушил юридические или этические нормы, **не** признается порочащей информация о финансовой несостоятельности, непрофессионализме, умственных недостатках и внешних данных. Между тем реальные контексты, содержащие подобную информацию, обладают мощным дискредитирующим потенциалом: *Концерт можно было бы назвать удачным, если бы не нелепые прыжки дирижера¹; Главный редактор Челно-Вершинской районной газеты «Авангард» любит разглаживать под рубрикой «Колонка редактора»; Безграмотность редактора сочетается с творческим апломбом; Долги Попова огромны, и отдать их он не сможет.*

Эксперты давно говорят о том, что формулировки Постановления необходимо скорректировать, большинство из них расширяют перечень порочащих признаков. Так, Г.В. Кусов утверждает, что «подчеркивание в речи физических или умственных недостатков личности снижает ее социальную привлекательность для окружающих и, следовательно, наносит урон ее социальному статусу» [8, с.50]. Информация о финансовой несостоятельности юридического лица (при условии несоответствия действительности) в экспертной практике также признается порочащей, поскольку свидетельствует либо о непрофессионализме его руководителей, либо о нарушении ими принципов деловой этики и действующего законодательства [14]. Соответственно, должен быть расширен состав языковых средств, причастных к передаче порочащей информации. Это лексика с семантикой нарушения юридических норм: *вор, коррупционер, мошенник, аферист, уголовщина, штраф, подкуп, подделка, угрозы, расправа, обирать, грабить*; нарушения моральных норм: *обманщик, хам, врать, скандалить, наглость, беспринципность, непорядочность, бессовестный, циничный*; финансовой несостоятельности: *задолженность, долги, убытки, банкротство, кредиторы*; профессиональной некомпетентности: *дилетант, профан, невежда, неопытный, неграмотный* и т.п.

¹ Здесь и далее все примеры взяты из экспертной практики автора.

При анализе высказываний, направленных на унижение чести, достоинства и умаление деловой репутации, возникают и другие, уже собственно лингвистические проблемы. В квалификации распространяемых сведений как порочащих определяющую роль играет традиционное противопоставление мнения и утверждения о факте. Лингвистическими маркерами субъективности являются модально-оценочная лексика, вводные слова и конструкции, формы будущего времени и др. Однако, зная об этом, субъект речи часто намеренно вводит в высказывание технические, формальные маркеры мнения – с целью дискредитировать героя публикации и избежать ответственности. Ср.: *Позиции в бизнесе у него, по мнению аналитиков, значительно пошатнулись; Были предположения, что он мог повлиять на ход расследования уголовного дела. В итоге дело было закрыто; Мы не будем сейчас пересказывать слухи о домах, яхтах и прочих видах капитализации возможностей, которые Виктору Попову принесло управление средствами жильцов тысячи многоквартирных домов; Есть подозрения, что деньги были не все личные, среди них могли оказаться и вполне бюджетные.* Представляется, что норма нуждается в корректировке и в этом случае. Целесообразно противопоставлять не утверждение и мнение, а фактологическую, т.е. событийную, и нефактологическую информацию. Высказывания *Иванов украл телефон* или *Я считаю, что Иванов украл телефон* (последнее – независимо от формального маркера мнения) – содержат фактуальную информацию, которую можно проверить на соответствие действительности. Как отмечает Г.С. Иваненко, в подобных случаях «и с вводным словом, и без него информация является событийной по своей природе, то есть она отражает конкретные явления действительности, которые могут быть выражены в физических показателях (место, время, характер действия)» [6, с.193].

Применительно к формам будущего времени, на наш взгляд, нужно различать такие интенции, как прогнозирование и приписывание. Высказывание *Завтра будет дождь* демонстрирует прогнозирование, предположение вероятности предстоящих событий. Высказывания *Он положит эти деньги себе в карман* или *Такой мэр будет только воровать* представляют собой приписывание – наделение объекта некими потенциальными характеристиками: человеку приписывается склонность к противоправным деяниям – он может нарушить закон. В таких субъективных высказываниях усматривается скрытое утверждение – в настоящий момент названное лицо обладает неблагоприятными, криминогенными качествами.

Еще одна проблема – неоднозначное отношение лингвистов-экспертов к образным высказываниям, метафорам и фразеологизмам: *Он на редкость скользкий тип; Она плетется в хвосте вторых скрипок; Однажды об-*

щался с директором – полное **дерево**; За атаками «буйных» общественников **торчат уши** Подборонова, и его прямой коммерческий интерес: вернуть себе рынок снабжения школ и детсадов; В **цирке** под названием ЖКХ г. Тольятти, он уже четверть века является центральной фигурой. Мэры (читай – **директора цирка**) менялись, а он оставался **лицом** этого **балагана**: невозможно **показывал** свои коммунальные **фокусы**. Одни эксперты утверждают, что в силу своей экспрессии и образности содержание подобных высказываний не поддается верификации – их нельзя проверить на соответствие действительности. Другая точка зрения заключается в том, что метафору нельзя понимать буквально, она является семантически многоплановой. Кроме образного компонента, такие средства содержат и денотативный, фактуальный компонент – нарушение героем публикации моральных норм, принципов деловой этики, его непрофессиональные качества. Если оценочная составляющая образных единиц субъективна и недоказуема, то денотативная составляющая вполне доказуема [7].

Применительно к оскорблению споры вызывает интерпретация его ключевого признака – понятия *неприличная форма*. Комментарий к КоАП РФ гласит: «Объективная сторона оскорбления заключается в действиях, которые унижают честь и достоинство определенного лица в неприличной форме (циничной, противоречащей установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали)» [8]. Как видим, в этом комментарии одно понятие трактуется через другое, близкое понятие: неприличный значит циничный. Никакие более четкие критерии неприличной формы не прописаны. Соответственно, в экспертной практике можно наблюдать узкий и широкий подходы к пониманию этого диагностического признака. Представители узкого подхода – И.А. Стернин, И.А. Ярощук, Н.А. Жукова, М.Б. Ворошилова – относят к неприличной форме только нецензурную лексику, т.е. мат. По мнению И.А. Стернина, «если человека под влиянием негативной эмоции назвали общеоценочным словом типа *козел*, *тварь*, *урод*, *придурок*, значением этого слова ему не приписаны какие-либо нарушения норм морали или законов, и подобные случаи не подлежат правовому регулированию» [12, с.403].

Большее распространение получил широкий подход. Его представители – А.Н. Баранов, М.В. Горбаневский, Е.И. Галяпина, Ю.А. Бельчиков, Г.С. Иваненко – считают, что оскорбительным является не только мат, но и другие разряды русской лексики. Это грубая просторечная и жаргонная лексика, которая либо отсутствует в нормативных словарях, либо дается с пометой «бранное»: *сволочь*, *сука*, *тварь*, *урод*, *шлюха*, *шалава*, *чмо*, *чепушило* и под.; лексика с семантикой физиологического низа; зоометафоры: *кобель*, *кобыла*, *корова*, *козел*, *баран*, *осел*, *свинья* и др.; сознательная де-

формация имени собственного, в результате которой имя приобретает негативное, курьезное или оскорбительное звучание: *Полит Фарфоров, Кадырятник, Буяндра* и под. К сожалению, отсутствие единства среди профессионалов свидетельствует, что исход судебного разбирательства во многом зависит от позиции эксперта, анализирующего спорный текст. Нередко в суде сталкиваются противоположные экспертизы. Добавим, что и на специализированных юридических сайтах, где люди задают вопросы – будет ли оскорблением, например, слово *овца* или слово *мразь*, – они получают диаметрально противоположные ответы от юристов [15].

Что касается других речевых правонарушений, в частности угроз и призывов к экстремистской деятельности, то их диагностические признаки и средства прямого выражения, как правило, трудностей не вызывают. Это преимущественно семантика агрессивности, направленность в будущее, условные или побудительные конструкции: *Я тебя всё равно найду и урою; Еще раз припаркуешься у моей двери – разрисую машину гвоздем; У нас очень длинные руки. Тебе обязательно быть в России, чтобы мы тебя уgomонили.* Однако сложность представляет выявление и интерпретация скрытых или косвенных форм выражения угрозы, когда потенциальный правонарушитель маскирует свои намерения. Скрытая или косвенная угроза не содержит эксплицитных маркеров причинения вреда, она носит неконкретный характер и может выражаться с помощью лексем с речевой или ментальной семантикой, семантикой ответной реакции адресата: *Не стоит нас недооценивать; Не надо со мной / с нами шутить; Некто / нечто тебе не поможет; Ты еще вспомнишь обо мне; Мы поговорим с вами по-другому; Советую тщательно подбирать слова; Вы хотите проблем?* и под. Мы обращаем внимание студентов на две методики, применяемые при проведении лингвистических экспертиз в таких случаях. Это, во-первых, ассоциативный эксперимент, предполагающий вопросы о понимании носителями языка смысла спорной фразы, и, во-вторых, обращение к Национальному корпусу русского языка, где спорное высказывание помещено в откровенно агрессивный контекст. Обе методики имеют целью доказать, что та или иная завуалированная фраза приобрела устойчивый, клишированный характер и в русском языковом сознании закрепились за речевым актом угрозы.

Прямая форма выражения призыва с использованием побудительных конструкций также не вызывает трудностей. Но часто скрытый или косвенный призыв, программирующий поведение адресата, содержится в формально повествовательном или вопросительном предложении: *Люди, вы имеете право на протест; Настал час прекратить этот беспредел; Пришло время действовать; Единственный выход / лучший шаг – про-*

тест; Сколько можно терпеть унижения? Для извлечения скрытого смысла текста в таких случаях исследователи вводят понятия *речевая импликатура* [2] или *рецептивная схема* [1; 11], основанные на принципе равнозначности эксплицитной и имплицитной информации. Например, напоминание кому-либо, что некто имеет оружие, равнозначно призыву к его использованию. Указание на правильность или своевременность совершения действия также означает призыв к этому действию.

Таким образом, сложность проблем лингвоэкспертной деятельности связана с тем, что они находятся на пересечении языка и права. Нормы закона зачастую формулируются небрежно и неоднозначно, без привлечения лингвистов. Но и лингвистика пока еще не готова к рекомендациям юридического характера. Нельзя не сказать и о смысловой неоднозначности большинства спорных высказываний, которые нередко демонстрируют столкновение прямого, буквального и имплицитного, «затекстового» смысла и всевозможные технические уловки субъекта речи, маскирующие его истинные намерения. Чтобы исключить произвольное толкование спорных текстов, необходимо выработать единые критерии экспертной оценки, начиная с точных формулировок речевых правонарушений, их диагностических признаков и заканчивая системой прямых и косвенных средств выражения, отраженных в специализированных юрислингвистических словарях.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза: теоретические основания и практика. М., 2007.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
3. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. М., 2023.
4. Голев Н.Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории. Кемерово, 2021.
5. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.
6. Иваненко Г.С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул, 2010. С.191-197.
7. Иваненко Г.С. Утверждение о факте: форма и содержание // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика – 2012: материалы интернет-конференции. URL: <https://siberia-expert.ucoz.ru/forum/18> (дата обращения 28.03.2023).
8. Кодекс об административных правонарушениях РФ: действующая редакция с комментариями. URL: <https://stkoaprf.ru/5-61> (дата обращения 28.03.2023).

9. Кусов Г.В. Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажений при оскорблении // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005. С.43-55.
10. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 года №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8288/?ysclid=lfvcvdf56t23479908> (дата обращения 28.03.2023).
11. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж, 2011.
12. Стернин И.А. Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово, 2011. С.398-403.
13. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 15.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lfqwvh2aiq335930106 (дата обращения 28.03.2023).
14. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2002. URL: <http://www.gdf.ru/library/item/4/49> (дата обращения 28.03.2023).
15. Юридическая социальная сеть. URL: <https://www.9111.ru/questions/12487682/> (дата обращения 28.03.2023).